

С. КУРБАТОВ.

М. Н. КУЗНЕЦОВА.

Я поздоровался и вспомнил Шалыпин.

Гдѣ то на ул. Гоголя — была в Петербургѣ касса предварительной продажи билетов в императорские театры. Вот она так и светится красным электрическим пламенем, так и сверкает. А на улицѣ — синія зимнія сумерки, направо горит алый закат, там куда царь Петр указывает бронзовым своим перстом, и идет плотная толпа прохожих сквозь бодрый, бѣлый, крушной, тихий свѣжок... И какіе прохожіе — вспомнишь, так изумишься: — дамы в широких бархатных шляхах, что сидѣли на запыльѣ, таким балконом вперед, в обтянутых пальто, синіе с золотом ученики гимназій (дуревича, мужичины в толстых мѣховых шапках, в обобрах и каракулях.

Позвольте — вот тут афиша, в ящикѣ за рѣшеткой, разграфлена мелко-мелко: — репертуар на Рождество. Ага, понимаю, почему и в воспоминаніях даже пощипывает мороз, почему у этого городского, что стоит за костром, на ушах черная повязка... Бодрит, бодрит морозец.

И крупныя литеры через афишки-кляточки:

— С участіем М. Н. Кузнецовой.

Крупными буквами написано, так и написано:

— «М. Н. КУЗНЕЦОВОЙ».

— Знай наших.

И оттого что мнѣ повезло купит билет на «Град Китеж» — в столовой у дядюшки торжество. Прыгают кузины, сама тетья, подтянув под себя с треском ногой стул — садится разливать вечерній чай. Лампа горит и свѣтит на всю эту картинку, на малиновый билет, и на суровую скатерть с кирпичной ваймой.

— Идем на Кузнецову!..

Чѣм в сущности и были всѣ эти картинки, которыя всплыли мнѣ в памяти, когда я увидал ее? Это и было — ея славою!.. Атомами славы.

Для самой артистки, для самой пѣвицы перваго ранга какой и тогда была М. Н. Кузнецова — слава была другим, болѣе обостренным, ярким, пикантным:

— Набитой битком голубой залой Маринскаго театра, худой фигурой Направника за пультом, лучшими корзинами цвѣтов, бѣшенными аплодисментами, хриплыми голосами с галерки — Ку-знецо-о-о-ва! — рукоплещаніями и объятіями таких гигантов как Римскій-Корсаков,

Но вѣдь мы то, кто ходил тогда на ул. Гоголя в кассу «предварительной продажи» — мы то и были тѣ, кто дѣлал эту славу. Римских-Корсаковых, Шалыпинных были единицы. Но слава русскаго искусства была всегда в том, что она опиралась на широкій демократическій базис русской миллионной публики, которая невѣроятно, до самозабвенія, до страсти любила все красивое и особенно театр, особенно пѣніе.

Русскій народ — великій народ уже судя по тому, как он может безраздѣльно отдаваться искусству. И тургеневскіе геніальные «Пѣвцы» пѣли не только в маленьком трактирѣ, они пѣли и на столичной сценѣ, и так же плѣняли сердца, пѣли они и в церковных хорах.

Недаром так неистово орал студентъ на своих вечерах в Бѣлом Залѣ на Михайловской улицѣ, когда там пѣла соловьем черноглазая юная М. Н. Кузнецова, всегда так охотно помогавшая им.

Россия пала в революціи, мы всѣ разсыпались как дым, но осталось незбываемым все же одно:

— Русское искусство!

Государство — вѣдь надо строить. Науку — надо возстлавлять. А искусство — вѣдь оно от сердца, от нутра, так что его возстлавлять то нечего... Оно никогда не падает. Не умирает. Оно всегда живо.

Вот почему когда я вчера увидал ее, М. Н. Кузнецову — лицом к лицу, то как то спокойно стало на душѣ:

— Вот оно побѣдоносное шествіе русскаго искусства, которое и в эмиграціи побѣдоносно. Много сравнивают теперь эмиграцію нашу и французскую эмиграцію конца XVIII вѣка. Нѣтъ-с, наша побѣдоче будет. Вѣдь у той-то эмиграціи не было ея французскаго великаго искусства:

— Кто — Давид, или м-ль Жорж обошла тогда міръ, превосходя, одолевая, затмевая саму французскую революцію, самого Наполеона?

Нѣтъ. Этого не было. А у нас — есть!

Шалыпин.
Кузнецова.

Рерих.

И если над міром несется сейчас буря русской революціи, то рядом с ея свистом и страстью слышны другіе голоса:

— Если революція вывистывает кровь и ярость, то оче-

ские голоса в русском искусствѣ поют иное:

— О Китежѣ, свѣтлом озерѣ, гдѣ стоят с свѣчами в руках вѣрующіе, и ждут, пока мѣст не исчезнет страшная Батыева тропа.

— О тихом дом Лариных, гдѣ

— Смеркалось. На столѣ блистала
Шинѣл вечерній самовар.
Китайскій чайник нагрѣвая
Над ним клубился легкій шар.

О схимѣ царя Бориса.

Нѣтъ, никогда еще не было такой пѣвучей, такой эстетической эмиграціи, которая бы представляла весь міръ слушать эти пѣсни о красивом прошлом. И будущем!

И думается мнѣ, что русская революція снята будет именно русским искусством, а среди главнокомандующих этого искусства — М. Н. Кузнецова, с которой мнѣ довелось вести такой легкой, такой интересней разговор.

В романах Майн-Рида читывали мы — как в страшныя минуты морских бурь экипаж корабля начинал лить масло на разъяренныя волны.

И может быть — именно не пулеметами — а пѣсней, мелодичной, изумительной русской пѣсней — которую так слушают во всѣх домах, больших и малых удастся добраться русскому народу до замиренія. Той самой пѣсней, тѣм самым искусством М. Н. Кузнецовой, которое было пролито со сцены «Американа» в широкую русскую взволнованную толпу, так же как и тогда, давно давно лилось оно в Петербургскіе дни, полные синих закатов, красных зорь, кружнаго летящаго свѣта и желтых электрических солнц..

Что ж! Может быть! Помни те сказку Андерсена об Соловѣй? Когда он пѣл, этот Соловей, то смерть которая было приходила к больному, уходила прочь, вспоминая про свой дом, про роснѣй туманный диковинный лѣс свой. Может быть пѣсня, русская пѣсня — несет нам по бѣду русскаго народа, каковая побѣда может быть только русским миром..

Вот почему так и потянуло меня набросать эти взволнованныя строки о М. Н. Кузнецовой и привѣтствовать ее в ея пѣсенном шествіи по всему Божьему міру и здѣсь в Харбинѣ.

— Привѣт!

С. КУРБАТОВ.